

Два эпизода, которые разбираются здесь, рассказывают о взаимоотношениях А. С. Пушкина с декабристами, о его чувствах к ним, о декабрьском восстании. Тема эта давно привлекает писателя и ученого Н. Я. Эйдельмана, с новыми гипотезами которого «Неделя» вас знакомит.

ДОПРОС ПУЩИНА

Когда следователи по делу декабристов впервые услышали имя Пушкина? «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» отвечает: «17 декабря. Петербург. Николай I допрашивает И. И. Пущина».

Сейчас мы подробно разберем этот эпизод. Опережая собственные рассуждения, сразу заметим, что верим в ту беседу о Пушкине, которая была у царя с первым другом поэта, но предполагаем, что она могла быть позже — во время каких-то допросов 1826 года, может быть, даже в марте — апреле, когда заочное следствие над поэтом шло особенно далеко. Однако возможность такого разговора и через три дня после восстания нельзя отвергать, и поэтому с него начинаем...

16 декабря 1825 года у себя дома на Мойке был арестован Иван Пущин. Во всем его следственном деле нет ни одного упоминания о Пушкине, и это, конечно, несколько странно. Впрочем, как известно, далеко не все слова записывались. Как обычно, например, не протоколировались беседы заключенных с Николаем I, и содержание их восстанавливается лишь по косвенным данным.

17 декабря как раз состоялась беседа Пущина с императором.

35 лет спустя русское правительство наняло (за пожизненную пенсию и приличный орден) французского историка Поля Лакруа для создания апологетической биографии Николая I, предназначавшейся западному читателю. Об этом довольно откровенно писал министру двора В. Ф. Адлербергу один из главных инициаторов сего предприятия — М. А. Корф: «Нужно, чтобы Лакруа был внутренне убежден, что наше правительство ни в коей мере не стремится повлиять на ход и тенденцию его работы. Надо избегать утверждений, что эта книга, инспирированная и купленная Россией».

Корф был фактическим руководителем и основным информатором Лакруа: после сомнительного успеха его собственного труда «Восшествие на престол императора Николая I» (1857) Корф старался выполнить старую задачу, апологии Николая I, руками французского историка-литератора. Сохранились самые благоприятные отзывы Корфа на вышедшие тома сочинения Лакруа, свидетельствующие, что статс-секретарь наблюдал за этой работой от начала до конца. Благодаря его посредничеству Лакруа, между прочим, записал рассказы крупнейших сановников, в том числе лиц, имевших отношение к следствию 1825—1826 годов (Адлерберг, А. Ф. Орлов); затем Лакруа, выражаясь современным языком, «завизировал» сделанные записи. Возможно, от этих персоналий от чрезвычайно осведомленного знатока лицейских судеб Модеста Корфа Лакруа узнал следующую подробность, представленную в его труде и — с некоторыми любопытными отличиями — в наборном экземпляре его рукописи, попавшей после смерти автора в Петербург (ныне в отделе рукописей Публичной библиотеки, текст французский):

«Коллежский ассессор Иван Пущин был активнейшим энтузиастом заговора. Было заведено, что Пущин побуждал многих к сопротивлению, но более всего содействовало его обвинению письмо, которое он написал накануне событий одному из своих родственников — советнику Семенову в Москву» (далее следует точный текст известного письма И. И. Пущина из Петербурга о предстоящем восстании и о том, что «подлецы будем, если пропустим этот случай»).

«Император, обманутый сходством фамилий Пущин и Пушкин, спросил, не посылал ли Пущин подобного письма своему родственнику поэту Пушкину, чьи либеральные мнения известны всей России» (далее Лакруа приписал, затем зачеркнул пояснение: «Пушкин... который был не ра-

ПУШКИН И ДЕКАБРИСТЫ

НЕКОТОРЫЕ РАЗЫСКАНИЯ И ГИПОТЕЗЫ

Н. ЭЙДЕЛЬМАН

скомпрометирован... кого злонамеренность собственных речей и сочинений привела к ссылке в рододе имение близ Пскова»).

«Я не родственник нашего великого национального поэта Пушкина, — отвечал Иван Пущин. — а всего лишь товарищ его по царскосельскому лицей; но ведь общеизвестно, что Пушкин, знаменитый автор «Руслана и Людмилы», был всегда противником тайных обществ и заговоров...»

«Император был весьма удовлетворен тем, что знаменитый поэт, друг Вестфужева, Рыльева и Кюхельбекера, не замешан в заговоре; но Иван Пущин, коллежский ритор (как его называли), не внушил государю ничего, кроме презрения и сожаления, тем более, что обвиняемый пытался защищать свои теории больше, чем свою голову».

Этот текст, конечно, требует осторожного подхода, немалого скептицизма, имея в виду задачи информаторов французского историка и его собственное, вполне определенное настроение. В любом случае запись интересна в «историографическом смысле»: вот так смотрели на дело в 1860-х годах Корф и его единомышленники! Однако в записи, по всей видимости, отражена, пусть искривленно, и некоторая реальность. Ведь смелое поведение и бесстрашие Пущина подчеркнуты автором — апологетом Николая, и это заставляет отнестись с определенным доверием к тексту. Слои поздних поправок, внесенных в него перед набором и предназначенных для облегчения чтения в Западной Европе, позволяют предположить, что сначала была записана сравнительно краткая версия со слов Корфа и других лиц: в основе, как видно, лежит анекдотический нюанс, не слишком лестный для Николая I, путающего Пушкина и Пущина. Это обстоятельство тоже говорит в пользу реальности сообщаемого эпизода... Немного отвлекаясь от основного повество-

вания, заметим здесь, что П. Лакруа и в некоторых других случаях добросовестно, вероятно, не без лукавства, помещал в свой труд факты, снижавшие образ царя даже для консервативных читателей.

Так же надо подходить и к записи о беседе Николая I с Пущиным. Логический переход от письма Пущина в Москву (декабристу Семенову) к письму в Михайловское понятен; несомненный факт отправки Пущиным какого-то письма Пушкину перед восстанием делает вопрос царя вполне возможным.

Что же касается слов Пушкина о заговорах и тайных обществах, будто бы сообщаемых Пущиным на допросе, то это тема особая, чрезвычайно деликатная. Разумеется, Лакруа, Корф и другие слишком хотели, чтобы подобные слова были произнесены; но в то же время яркость, афористичность фраз позволяют допустить их пушкинское происхождение; Пущин, во спасение Пушкина, мог действительно привести фразу, сказанную поэтом между другими мыслями. Лаконичность ответов Пущина на допросах, его постоянная сдержанность позволяют заметить: либо все эти слова выдуманы Лакруа, что маловероятно, либо они сказаны Пущиным — и в этом случае доносят эхо слов Пушкина, эхо старинных споров между лицейскими друзьями: надо или не надо сторонникам свободы обязательно вступать в тайные союзы? И освобождать ли родину путем заговора, восстания или посредством длительной многолетней подготовки, просвещения народа?

Так или иначе Пущин ни словом не ухудшил положение друга-поэта, находившегося на сильнейшем подозрении у властей. Более 20 раз имя Пушкина всплывало на тайном политическом процессе 1825—1826 годов. Если бы он уже не находился в ссылке, вероятно, его бы арестовали, привезли — и еще неизвестно, как повернулась бы судьба Пушкина.

Осенью 1826 года Николай I счел полезным «простить» Пушкина...

Меж тем в это самое время буквально по пятам михайловского узника шло еще одно дело, едва не перечеркнувшее царскую амнистию. О нем известно давно благодаря открытию крупнейшего пушкиниста П. Е. Щеголева. Однако возможны еще любопытные дополнения, гипотезы...

«НА 14-е ДЕКАБРЯ»

Элегия «Андрей Шенье» была написана Пушкиным еще за полгода до восстания, весной 1825 года, и затем напечатана в составе «Стихотворений Александра Пушкина» без 45 стихов, запрещенных цензурой (с 21-го по 64-й и 150-й).

Февраль 1826 года. Пушкин еще в Михайловском, декабристов еще допрашивают. В это время в Новгороде штабс-капитан Александр Ильич Алексеев вручает прапорщику Молчанову отрывки из ненапечатанной части пушкинской элегии. В конце июня 1826 года Молчанов в Москве дает списать отрывок учителю А. Ф. Леопольдову, тот приделывает к нему крамольнейшее заглавие — «На 14-е декабря» и показывает стихи некоему Коноплеву. Коноплев был агентом тайной полиции, вследствие чего осенью того же года донос уже был вручен Бенкендорфу, а в 1827-м идет аресты, допросы — и Пушкина, только что освобожденного из ссылки, заставляя объяснять происхождение стихов. Между тем и на следствии и после остался неясным вопрос — откуда же получил отрывок из элегии его первый обладатель Александр Алексеев?

Сам он в своих показаниях сослался на некоего москвича (чье имя «не упомянул»), у кого еще осенью 1825 года будто бы списал пушкинские стихи. Это звучит весьма неправдоподобно. Сопоставим даты: элегия закончена к июню 1825 года, тут же отправлена для подготавливаемого сборника стихотворений. В октября цензор Бируков разрешил сборник, очевидно, произведя некоторые изъятия. 28 декабря 1825 года сборник вышел в свет.

До цензурного решения и выхода книги распространение именно того отрывка, который не будет пропущен, конечно, невозможно. К тому же полным текстом элегии располагало всего несколько человек: цензор и два-три близких приятеля Пушкина, хорошо знавших, как поэт не любил предварительное распространение предназначенных для печати стихов.

А. И. Алексеев был, правда, племянником известного Ф. Ф. Вигеля, но дядюшка его, приятель Пушкина, в те годы находился на юге, а сам офицер никакого особого места в светских и литературных кругах не занимал.

Таким образом, совершенно фантастической выглядит версия о возможности списать «у какого-то москвича» осенью 1825-го строки из «Андрея Шенье». Тут явная маскировка, имеющая, вероятно, целью отвлечь внимание следствия от подлинных дат и реальных людей. Это обстоятельство довольно ясно ощущалось на следствии. Невзирая на все увещания, Алексеев, утверждал, что не помнит, от кого получил стихи. «Может ли быть, — спрашивал один из видных московских чиновников, — чтобы он не помнил, от кого получил эти мерзости? Отец, к которому он был приведен, угрожал ему проклятием; как ни был он тронут, как ни плакал, а все утверждал, что не помнит».

Первоначально за свое упрямство Алексеев был приговорен к смертной казни, позже отправлен на Кавказ — но так и «не вспомнил» никакого имени... Между тем другая жертва того же процесса — прапорщик Молчанов опровергал утверж-

Автолитография А. Чхидзе.

КТО ЧТО ЧИТАЕТ

ЧТО ВЫ СЕЙЧАС ЧИТАЕТЕ? — на этот вопрос репортеру «Недели» В. Борисову отвечают:

М. ГРОВОА,
доярка подмосковного хозяйства «Номмунарна», Герой Социалистического Труда:

— Хорошую книгу Григория Медынского «Честь» о молодом парне, который попал в трудовую колонию, о том, как меняются его взгляды на жизнь, как он становится честным человеком.

В. КАРПОВ,
секретарь правления Союза художников РСФСР:

— Только что закончил книгу Розалии Золотницкой «Н. А. Северцов — географ и путешественник». Теперь читаю «Территорию» Олега Куваева, книгу о золотодобытчиках; очень нравится.

П. КОЧИНА,
академик, Герой Социалистического Труда:

— «Жерминаль» Золя. Сейчас готовлю к изданию переписку Софьи Васильевны Ковалевской с профессором математики Стокгольмского университета Миттагом Леффслером. В одном из писем Ковалевская упоминает, что прочитала новый роман Золя. Старюсь перечитать все книги, которыми интересовалась Софья Васильевна.

А. СУРДИНА,
директор московской средней школы № 38, заслуженный учитель РСФСР:

— Очень нравятся публикации роман-газеты: разножанровые, затрагивают немало нравственных проблем. Вот прочла произведение Владимира Попова «Будни», где поднимаются вопросы управления производством, которые переключаются и с нашей педагогической деятельностью. «Живи и помни» Валентина Распутина; это произведение мы только что обсуждали с десятичными классами. Чрезвычайно интересна повесть Марии Прилежаевой «Всего несколько дней» — о взаимоотношениях отцов и детей, о взаимопонимании в семье.

И. ПРЕСС,
заслуженный мастер спорта, начальник отдела легкой атлетики и гимнастики ЦС «Динамо»:

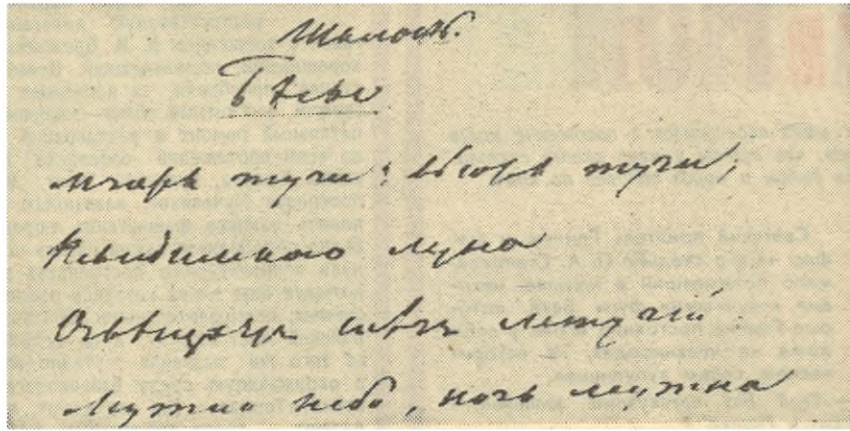
— «Битву железных канцлеров» Валентина Пикуля. Давно целюсь на эту книгу. Кроме того, постоянно перечитываю Бальзака.

Д. САГАЛ,
народный артист РСФСР, актер Центрального Академического театра Советской Армии:

— Сейчас перебрал много новинки — «Творческое наследие В. Э. Мейерхольда». Порой отвлекаю от этого сборника и перечитываю «Голубую книгу» Зоценко. Периодически возвращаюсь к Василию Шукшину, очень люблю его творчество.

А. МОДЕСТОВ,
главный пилот-инспектор Управления летной службы Министерства гражданской авиации СССР:

— Если говорить о сиюминутном чтении, то просматриваю «Наставление по производству полетов». А вообще под впечатлением киноэпопеи «Великая Отечественная» взял «Военные повести» Григория Бакланова и увлекся ими весьма.

Колдовская музыка пушкинского стиха — не только в звучании слов, но и в этом летучем почерке, во всем стиле рукописей Пушкина, под обаянием которых находятся поколения русских читателей.

дение Алексева. будто он получил стихи Пушкина еще в октябре 1825 года Молчанов присягал, что Алексеев в феврале 1826 года, показывая сорок четыре строки из «Шенье», говорил: «Это последнее его (Пушкина) сочинение»

В общем, из следственных материалов с большой вероятностью выходило, что Алексеев получил стихи не в октябре 1825-го, а позднее — уже после 14 декабря, незадолго до новгородской встречи с Молчановым в феврале 1826-го.

Понятно, заслуживает внимания географическая близость первого достоверного появления списка и места ссылки автора — Новгородская и Псковская губернии.

Один любопытный документ, может быть, позволит продвинуться еще вперед в разгадке и гипотезах.

В Пушкинском доме хранится листок с пометкой Л. Б. Модзалевского: «Из архива с. Тригорского. Из бумаг Л. Н. Майкова».

Листок исписан рукой Анны Николаевны Вульф и представляет тот самый отрывок из «Андрея Шенье», который явился предметом политического процесса 1826—1828 годов.

Те самые сорок четыре строки, от слов «Приветствую тебя, мое светило...» и кончая строкой «Так буря мрачная минет» (правда, одна строчка — «уже сиял твой мудрый гений» — была случайно пропущена при перелистке).

Как объяснить существование такого списка?

Вариант 1. Анна Вульф, подобно Молчанову, снимает копию у Алексева (или у кого-то другого). Версия абсурдная, учитывая близость, постоянное общение тригорской барышни с Пушкиным.

Вариант 2. А. Н. Вульф списывает текст с рукописи «Андрея Шенье». В этом случае непонятно, почему она копирует именно сорок четыре строки: ведь Пушкин ей мог представить все стихотворение, все 185 стихов. Соседка, правда, могла бы попросить те строки, что не прошли в печать; но в этих случаях логичнее списать все же текст или — как это обычно делалось — вписать, вклеить дополнение в уже имеющееся печатное издание. Таким образом, версия о простом копировании недостающих в печати сорока четырех стихов сомнительна. Достоверно в ней только то, что Анна Вульф заимствовала текст у самого Александра Сергеевича.

Вариант 3. Сам Пушкин скопировал из не прошедших в печать стихов элегии отдельно, по сути самостоятельное стихотворение, и Анна Вульф (как, может быть, и другие тригорские соседи) была в числе первых читателей.

Эта гипотеза представляется наиболее вероятной. Если она подтвердится, мы сможем говорить об особом стихотворении великого поэта, авторски «вырванном из контекста» уже готовой элегии, но лишенном конкретных черт своего происхождения: имя Шенье не названо, французская революция, конечно, угадывается по смыслу, но отсутствие конкретных названий, событий делает описание максимально обобщенным и применительным к различным историческим ситуациям.

Взглянем на хорошо известный фрагмент из знаменитой элегии, как на самостоятельный текст:

Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило.
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную
твердыню
И власти древнюю гордыню
Развезя пеплом и стыдом.
Я зря твоих сынов гражданскую
отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу

И самовластью бестрепетный ответ.
Я зря, как их могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек,
восторга полный.

Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,
Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны
тени.

От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон,
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил
равенство.

И мы воскликнули: Блаженствуй о!
О горе! О безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.

Мы свергнули царей. Убийцу
с палачами

Избрали мы в цари. О ужас! О позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет — не виновна ты.

В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа,
Сокрылась ты от нас; целебный твой
сосуд

Завешен пеленой кровавой;
Но ты придешь опять со мщением
и славою.

И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нектар
освященный.

Все ищет вновь ухнуть в им;
Как будто Ваком разъяренный,
Он бродит, жаждою томим;
Так — он найдет тебя. Под сению
равенства

В объятиях твоих он сладко отдохнет;
Так буря мрачная минет!

Ассоциативность этого отрывка, неожиданная, не существовавшая ранее связь с нахлынувшими политическими событиями, конечно, не укрылись от Пушкина и, может быть, явились стимулом к «автономии» текста. Пушкина и раньше изумляло, восхищало быстрое осуществление некоторых пророчеств, провозглашенных в элегии. Очевидно, сопоставляя предсказание неожиданного возмездия тиранам (в стихотворении) и внезапную смерть Александра I, поэт 4—6 декабря 1825 года радостно пишет Плетневу: «Душа! Я пророк, ей-богу пророк! Я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами во имя отца и сына еис».

Что же касается «44-х строк», то все звучание их не в узком, буквальном, но в самом широком, духовном смысле соответствовало настроениям, мыслям, событиям в первые месяцы после 14 декабря. Речь идет, понятно, не о гимне павшим декабристам — содержание отрывка достаточно сложно, и в нем описываются события внешне полярные тому, что произошло в 1825—1826 годах. В Париже «свергнули царей», в Петербурге «цари» взяли верх. Однако внутренняя, глубинная связь сорока четырех строк с тем, что произошло только что в России, несомненно, имеется: гимн свободе, картина террора, вера в грядущее возвращение вольности — «так буря мрачная минет». Прямой аналогией, пришедшая в голову не слишком искусственному читателю и побудившая его озаглавить отрывок «На 14-е декабря», была принята и «признана» карающей властью, которая отнюдь не нашла явного противоречия между произвольным заглавием и пушкинским текстом. Впрочем, даже не имея уже сомнений, Пушкин сочинил элегию за несколько месяцев до восстания; сенат все равно квалифицировал ее как «сочинение соблазнительное и служившее к распространению в неблагонадежных людях того пагубного духа, который правительство обнаружило во всем его правительстве».

Все это свидетельствует о существо-

вании объективной социальной ситуации для восприятия 44-х строк как самостоятельного целого. То, что заметили разные читатели 1826 года, по всей вероятности, заметил сам автор.

Прибавив к этому прежние соображения — о невозможности самостоятельной жизни такого отрывка до выхода в свет «Стихотворений Александра Пушкина», о времени и месте первого появления фрагмента (Новгород, февраль 1826 года), — заключаем, что сорок четыре строки, вероятно, были выделены Пушкиным как отдельное стихотворение в первые месяцы 1826 года.

Пушкин не во всем был заодно с друзьями-декабристами. К тому же в первые недели после восстания необходимы предельная осторожность, сдержанность. Однако Пушкина переполняют волнение, скорбь, сочувствие попавшим в беду друзьям. Вполне возможно, что сорок четыре строки «Приветствую тебя, мое светило» предназначались для чтения в самом узком, своем кругу. Привлеченный в 1827 году к следствию, Пушкин подчеркивал, что из полного текста элегии не делал тайны, но в ответ на предложение назвать имена первых читателей поэт отвечал точно, как А. И. Алексеев: «Не помню, кому мог я передать мою элегию».

Отсюда видно, что он допускал многознание следователей и старался избежать ловушки. А ведь число лиц, которым во второй половине 1825 года и начале 1826-го в Михайловском могла быть показана элегия, наперечет! Анна Вульф, конечно, в этот круг входила, списать же стихи могла в связи с отъездом из Тригорского — сначала в Тверской край, а затем в столицу. Это произошло в конце февраля 1826 года. Сохранились ее влюбленные ревнивые письма к Пушкину за период с начала марта по сентябрь 1826 года: из Малинников — около 8 марта, затем 20 апреля, 2 июля и, наконец, 11 и 16 сентября уже из Петербурга.

Пушкин, разрешив Анне Вульф снять копию, возможно, недооценивал опасность возникшей ситуации: действительно, образовывалась связь сорока четырех строк с последними событиями — «на 14 декабря», — и Пушкин мог это в своем кругу сказать, и отсюда начинается сначала устная, а потом зафиксированная чужой рукой версия, распространения которой поэт вряд ли желал...

Однако формальных «российских» признаков в стихотворении нет, поэт всегда может сослаться (как он и сделал позже) на то, что речь идет о событиях во Франции...

Что же произошло дальше?

А. Н. Вульф во время путешествий из Тригорского в Малинники, возможно, поделилась кое с кем своим списком. Псковская, Новгородская, Тверская губернии рядом.

В одном из писем Анны Вульф к Пушкину (20 апреля 1826 года) сообщается о «приятном молодом госте из Новгорода» — Л. Н. Павлицеве. Меж тем этот гость вскоре будет назначен одним из ассессоров для следствия над приятелем и сослуживцем А. И. Алексеевым (кстати, Л. Павлицев затем породнится с Пушкиным через своего брата Николая, который женится на Ольге Сергеевне, сестре поэта).

Добавим, что список «44-х строк» рукою Анны Вульф — точно на такой же бумаге, как ее письма к Пушкину. Поэтому не исключаем, что упорное нежелание Алексева вспомнить, от кого получил стихи, объясняется нежеланием замешать в дело молодую женщину.

Он был молодым, Александр Алексеев...

В то же время проблема осложняется некоторыми расхождениями двух интересных нас списков — известного по судебному делу Алексева — Молчанова — Леопольдова и снятого рукою А. Н. Вульф.

Еще раз повторим: все приведенные рассуждения находятся на стадии гипотезы, которая может быть, немного облегчит наше углубление в главы пушкинской биографии.

С. П. Глинки. 9 января 1856 года

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).

Музыка Глинки. Как много спилось тут для наших сердец! (См. стр. 6).